

По следам наших публикаций

Игры в игрушки

Одной из задач нашего журнала является обсуждение в рамках профессионального сообщества наиболее актуальных и значимых проблем психологической науки и практики. Поэтому нам крайне важно мнение наших читателей по вопросам, которые поднимаются на страницах «Вестника практической психологии образования».

В редакцию пришло письмо психолога Надежды Андреевой из Чувашии, адресованное авторам статьи «Экспертиза игрушек в Германии и в России (Сравнительный анализ критериев оценки)» Е.О. Смирновой, Е.А. Абдулаевой, М.В. Соколовой (см. №1 за 2009 г.). По просьбе Надежды мы передали ее письмо Е.О. Смирновой (доктору психологических наук, профессору, руководителю Центра психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек).

По договоренности с Еленой Олеговной мы публикуем как само письмо Надежды Андреевой, так и ответ на него авторов статьи.

Уважаемая редакция Вестника!

Ознакомилась с интересным материалом относительно экспертизы игрушек в России и в Германии (№1, 2009). Вместе с благодарностью к авторам данной публикации у меня возникли к ним следующие вопросы (очень надеюсь, что вы сможете их донести до авторов):

1) Если в статье они, во-первых, описывают особенности экспертизы игрушек в Московском городском центре и, только во-вторых, критерии оценки игрушек в немецком центре экспертизы, то почему эти приоритеты не были отражены и в названии статьи? Оно звучит наоборот: «Экспертиза игрушек в Германии и в России (Сравнительный анализ критериев оценки)». Разница небольшая, скажете. Думаю, нет, если говорить о подсознательных установках авторов.

2) Немецкая фраза «Spiel gut» переводится все же не «хорошая игрушка», как указано, а «играй/ играйте/ играть хорошо», так? Глагол «spielen» сильно отличается от существительного «das Spielzeug», если углубляться в психосемантику обозначенных слов.

3) Далее цитата из статьи: «Ребенку нравится то, что модно, что есть у всех, что он видит на экранах телевизоров». А то, что «модно» (то есть «что есть у

всех»), это, получается, «полезно», с точки зрения уважаемых экспертов? А ЧТО современный ребенок видит на экранах телевизоров?

Теперь, что, надо руководствоваться модой в профессиональном учете социальной привлекательности игрушки? Что-то не совсем так здесь, уважаемые эксперты. И это касается ценностных ориентаций, ни больше, ни меньше!

4) Вот тому подтверждение — следующая цитата: «Вместе с тем, игрушка как средство воспитания должна стимулировать просоциальные действия и, по возможности, вызывать гуманные чувства». КАКИЕ просоциальные действия? Они разными бывают, в том числе деструктивного характера! И как это, ПО ВОЗМОЖНОСТИ, вызывать гуманные чувства? А не наоборот, уважаемые эксперты? Игрушка для маленького человека, прежде всего, призвана актуализировать в нем общечеловеческую ценность — гуманность, содержащую имплицитный призыв «Будь/стань/оставайся человеком! И да будет человек!» и только после активизировать его «просоциальные действия». Есть вечное, а есть преходящее!

Я пишу потому, что сама исследую проблемы психологической экспертизы, а именно детских книжных иллюстраций.

Надежда Андреева, с уважением и искренностью.

Ответ Надежде Андреевой

Уважаемая Надежда!

С большим интересом и с благодарностью прочли Ваше письмо. Очень важно, когда наши статьи читают, анализируют и высказываются по их поводу специалисты. Это значит, что наш интерес к делу разделяет еще кто-то, что наша работа не безразлична незнакомым для нас профессионалам. Ваши вопросы очень важны для нас, и мы с удовольствием на них отвечаем, тем более что сформулированы они конкретно и лаконично.

1) Относительно «подсознательных установок авторов», поместивших сначала критерии экспертизы в Москве, а потом в уже Германии (в названии наоборот). Мы сочли целесообразным сначала представить свои исходные теоретические и методические основания, которые мы используем для оценки игрушек и с которых мы, естественно, рассматриваем любые критерии оценки, в том числе используемые в Германии. Но поскольку новизна статьи заключается в представлении экспертизы в организации «Spiel gut», мы полагали правильным поставить Германию на первое место в названии. Жаль, если это выглядит нескромно, но поверьте, мы отнюдь не считаем свою работу более значимой и важной, чем работу наших немецких коллег, и вовсе не претендуем на первое место.

2) Что касается перевода названия организации и самого знака «Spiel gut». Вы, безусловно, правы, точный его перевод включает глагольную форму и может звучать как «Играй хорошо». Но мы сочли, что глагольная форма для обозначения существительного «игрушка» звучит не совсем по-русски, и что название «хорошая игрушка» не нарушает главного смысла этого термина — это та игрушка, с которой «играть хорошо».

3) Теперь о главном: о детских предпочтениях и о ценностных ориентациях, которые заложены в игрушках. Вопрос очень непростой и мы много над ним размышляем. То, что игрушка должна быть привлекательной для ребенка, стимулировать его к игре, — это очевидно. Если игрушка не имеет никакой привлекательности, играть с ней никто не будет. В то же время, предпочтения наших детей складываются под влиянием массовой культуры, многие образцы которой никак не могут быть рекомендованы психологами. Им нравятся монстры, роботы, пауки, злодеи и пр. В случае «столкновения интересов» детей и взрослых наша позиция заключается в том, что педагоги и психологи должны сохранять, нести и ино-

гда и реанимировать этические и эстетические нормы, принятые в обществе. Если игрушка их нарушает, она не может быть рекомендована для игры, даже если она нравится детям. Напомним, что первым шагом нашей экспертизы является «этико-эстетический фильтр», который не пропускает игрушки, несущие негативный этический или эстетический заряд. В то же время, если игрушка лишена всякой привлекательности, неинтересна, если действия с ней не отвечают интересам ребенка и не соответствуют смыслу детской жизни (как это часто бывает с дидактическими игрушками и играми), она также не может быть рекомендована.

4) И наконец, последнее замечание о просоциальных действиях и гуманных чувствах, которые «по возможности должна вызывать игрушка». Термин «просоциальные действия» (перевод с английского) получил в нашей психологии вполне определенное значение — это действия в пользу другого (помощь, забота о другом, готовность поделиться, сделать что-то приятное и пр.). Действия деструктивного характера данный термин, несколько нам известно, не включает.

Мы абсолютно разделяем Вашу мысль о том, что «Игрушка для маленького человека прежде всего призвана актуализировать в нем общечеловеческую ценность — гуманность, содержащую призыв «Будь/стань/оставайся человеком!». И этот призыв реализуется в гуманных чувствах и просоциальных действиях с игрушкой.

Что касается возмущившего Вас выражения «по возможности», то здесь имелось в виду то, что далеко не во всякую игрушку можно внести гуманистический заряд. Пирамидки, вкладыши, мозаики, конструкторы и многие другие игрушки этически нейтральны — действия с ними направлены не на нравственное воспитание, а на развитие восприятия, образного мышления, моторики и пр. И в этом случае говорить о просоциальных действиях и гуманных чувствах далеко не всегда уместно.

Дорогая Надежда, еще раз большое спасибо за Ваш интерес к нашей работе и за ваши замечания. Нас, в свою очередь, очень заинтересовала Ваша работа над экспертизой иллюстраций к детским книжкам. Интересно было бы познакомиться с вашим подходом к этой важной области детской субкультуры. Надеемся прочитать о ней в ближайших выпусках журнала и продолжать содержательные контакты.

Е.О. Смирнова, Е.А. Абдулаева, М.В. Соколова
 Наш e-mail: psytoys@mail.ru
 и сайт www.psytoys.ru